

«Кто мы такие, чтобы судить что есть обеднение, регресс языка, и что есть его обогащение, прогресс?» (с. 273)

После этого существеннейшего, но по сути дела, риторического вопроса, автор очень справедливо отмечает, что все-таки мастера слова, те, кому дано, то есть работники СМИ, в ответе равно за форму, как и за содержание пропагандируемого слова. Им-то не должна прощаться никакая оплошность.

Итак, мы получаем материал, который заинтересует несомненно лингвистов, культурологов, вообще – всех гуманитаров. Это по истине настольная книга, тезаурус знаний о современном русском языке. С моей точки зрения абсолютное достоинство книги Костомарова заключается в том, что автор есть приверженец идеи антропоцентризма, и в этом русле продолжает диалог о языковом вкусе эпохи.

Иоанна Коженевска-Берчинска (Ольштын)

Бацевич, Ф. С., Космеда, Т. А.: Очерки по функциональной лексикологии. Львов 1997. 392 с.

Авторы рецензируемой книги хорошо известны в славянской лингвистической литературе. Их научно-исследовательские интересы сосредоточены главным образом на лексических проблемах в их современном «прочтении» и отличаются научной глубиной и философской обоснованностью. Неслучайно они редактировали и активно участвовали в сборнике «Провідні лінгвістичні концепції кінця ХХ століття» (Львів 1996), в котором тезисы Флорія Бацевича «Шляхи розвитку філософії мови в Україні: теoантропологічний напрямок» занимают одно из значительных мест.

В представленных «Очерках» авторы исходят из особой важности семасиологического и ономасиологического подходов к языку и его словарному составу. Конечно, в подобном аспекте исследуется не только лексика отдельного языка: такой взгляд доминирует и в сопоставительной, контрастивной лексикологии (ср. хотя бы книгу В. Н. Манакина «Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки», Киев-Кировоград; разделы «Семасиологические параметры сопоставления» и «Ономасиологические параметры сопоставления»). Однако Ф. Бацевич и Т. Космеда, выдвигая функционализм как главную парадигмальную черту лингвистики конца XX века, рассматривают семасиологию и ономасиологию в качестве важнейших направлений функционального изучения лексики. Разграничивая «функции языка» и «функции языковой единицы», а затем конкретизируя такие фундаментальные понятия, как «значение», «значимость» и «функция», авторы показывают не только их взаимодействие, но и постоянный, всё порождающий функциональный динамизм. Я бы подчеркнул, что это вполне соответствует одной из основных мыслей С. Карцевского, который писал: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы обычным собранием этикеток» (см.: «Об асимметричном дуализме

лингвистического знака»). Отсюда понятен и тот тезис авторов о создании интегральной функциональной лексикологии конкретных языков, которым должна заняться лингвистика грядущего столетия.

В структурном отношении «Очерки» состоят из двух разделов: 1. Глагольная лексика (Ф. С. Бацевич). 2. Имена предметно-признакового типа (Т. А. Космеда). Не умаляя значения функционально-семасиологического исследования имён предметно-признаковой семантики (тем более, что в постперестроечное время в сфере оценочности произошли глубокие перемены), я хотел бы сказать несколько слов о первом разделе, поскольку глагол находится также в центре моих исследовательских интересов. В своё время (см.: Леонтий Миронюк, Семантико-стилистическая типология русских и украинских зооморфических глаголов, Ольштын 1994) я упрелит некоторые из выводов Ф. Бацевича, хотя мой анализ основывался на значительно меньшем по объёму материале. В отличие от автора я разграничивал бестиальные глаголы (см. «Очерки» §3.2: *котиться*, *нереститься* и др.) и зооморфические (типа *ишачить*, *насобачиться* и др.), что дало мне основание заметить, что глаголы способны «закодировать» (выражаясь языком автора) не только значение имени в глагольном значении, но и значение и функцию отдельных образных словосочетаний, ср.: *собаку съесть* – *насобачиться*, *прикидываться лисой* – *лисить* и др. Помимо того я разделяю пафос книги Дианы Вечорек «Украинский язык. Slavia Romana – Slavia Byzantina. очерк по глагольности» (Вроцлав 1997), в которой словообразовательному оглаголиванню отводится одно из важных мест.

С точки зрения современной лингвистики, следовало бы, очевидно, подчеркнуть и циркумфиксный (конфиксный) характер таких глагольных образований, как универсальные деривационные модели *НА...СЯ* (*наговориться*, *наохотиться* и др.) и *НЕ...СЯ* (*не читается*, *не можется*), которые в значительной степени обогатили функциональную сферу русского глагола. Не совсем понятно, почему авторы «Очерков» не используют такие современные термины, как «агнонимы», «мезонимы», «поли- и мононегационные образования» и др., хотя анализируемые ими примеры дают для этого все основания.

В целом, «Очерки по функциональной лексикологии» производят впечатление солидного научного исследования, в котором обобщены итоги анализа русской лексики минувшего периода и намечены пути ее изучения в дальнейшем.

Леонтий Миронюк (Ольштын)

Николова, А.: Функциональная грамматика: выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», Шумен 1997, 163 с.

Книга известного русиста, участницы международных конференций Анны Николовой является заслуживающим внимания продолжением изучения про-